

УДК 338.45(571.1/.5)(091)

Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Часть 2*

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу книги Ф. Хилла и К. Гэдди «Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России». Проанализированы наиболее спорные разделы, суждения и выводы работы.

Ключевые слова: СССР, Россия, Сибирь, Дальний Восток, Север России, индустриализация и система расселения восточных районов России, будущее восточных регионов страны.

Продолжая анализировать книгу *Ф. Хилла и К. Гэдди (Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России : пер. с англ. М. : Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 328 с.)*, попытаемся разобраться в подходах и критериях авторов к истории и современности освоения и развития Сибири. Кажется бы, необходимость контроля своей территории для государства является аксиомой, но для России и это не так. «В эпоху царизма, в советский и постсоветский периоды истории России главным приоритетом любого российского правительства оставался контроль над территорией и населением, а не максимизация свободы и благоденствия людей (и даже не экономическое развитие государства). Разговор о контроле государства над территорией и населением в этом контексте касается стремления государства установить контроль над жизнью граждан и предопределить за них, *что* им надлежит делать и *где* проживать в пределах территории, а не стремления государства защитить себя от внешней агрессии» (с. 124). Соглашаясь с оценкой намерений российских и советских властей по созданию системы тотального контроля (как будто есть власти, которые к этому не стремятся), трудно принять приписываемое им нежелание экономического развития страны и эффективной защиты ее от внешней агрессии. Особенно последняя (вполне исторически обоснованная) фобия до сих пор в значительной степени определяет политику российского руководства и мнения ее граждан.

Идея нерентабельности Сибири также сквозная тема книги. В частности, на с. 120 Ф. Хилл и К. Гэдди пишут: «В Сибири не оказалось ни одного города или региона, который можно считать экономически самодостаточным». С какой стати, и в каком смысле? Во-первых, никакая часть страны и не нуждается в своей самодостаточности, иначе зачем ей быть частью целого. Во-

---

* Окончание. Начало см.: Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1.

вторых, даже в условиях сегодняшней колониальной налоговой политики такие регионы Сибири, как Тюменская, Новосибирская, Кемеровская области, Красноярский край, Республика Саха (Якутия) демонстрируют свою эффективность.

Постоянно рассматриваются авторами перспективы формирования единого социального и рыночного пространства Зауралья. Перспективы эти не радужные, и здесь я согласен с авторами. Несмотря на развитие транспортных коммуникаций и их совершенствование, сибиряки не летают друг к другу, зато они летают в Центр и в зарубежные страны, куда им добраться легче, чем в Москву и в Сочи. Является ли это признаком кризисных явлений или ущербности жизни сибиряков? Думаю, что нет. Напротив, они по современному мобильны, открыты всему миру и лишены комплексов провинциальности, свойственных жителям многих районов Центральной России. Зачем стране специальный зауральский общий рынок? Ведь это просто азиатская часть страны.

Критически относятся Ф. Хилл и К. Гэдди к перспективам кибернетического перевооружения региона, превращению «Сибири в *«Ки-бирь»*» (с. 158). И здесь спорить несерьезно, хотя превратить Новосибирский академгородок при соответствующем развитии российской экономики в «Кремневую долину» вполне возможно. Речь идет о другом: зачем это самой Сибири. Мировая специализация имеет место быть, и в ней у Сибири свое уникальное место, которое никакой другой регион занять не в состоянии. Здесь следует развиваться в природой данным направлении на основе передовых технологий, а не специализироваться на создании этих технологий.

В своем желании выстроить красивую и логичную доктрину ее авторы нарочито искажают даже не факты, а реальность и зачастую фальсифицируют историю. А рассуждения типа «Совершилась Октябрьская революция вместо России в стране небольшой и компактной – такой как, скажем, Япония – ущерб не был бы столь значительным» (с. 15) вообще за пределами научной дискуссии.

Чего стоит такой пассаж: «Хотя Россия и установила свой суверенитет над Сибирью сравнительно давно, возраст какого-либо более или менее заметного поселения в Сибири фактически составляет всего лишь порядка столетия – дата основания 1890 год. Сибирь была лакомым куском, но дотянуться до него было трудно» (с. 92). Откуда взята эта дата, неизвестно. Зато, и не только историкам, известно, что большая часть Сибири была пройдена русскими землепроходцами в XVII в., и одновременно создавались поселения, до сих пор являющиеся опорными пунктами урбанизационной сети региона. В частности, Иркутск, город у Байкала (т. е. в сердце Сибири), – не самый старый из сибирских поселений, в 2011 г. отметил свое 350-летие.

Далее, на с. 122 США названы второй по размерам страной мира, хотя она лишь четвертая. Совершенно ненаучна и недоказуема связь размеров государства с его демократичностью (с. 123). Россия сегодня участник «демократического транзита», второе государство по размерам – Канада – демократическое государство. Идущий на третьем месте Китай действительно про-

тивник западной демократической модели, но далее идут США, затем не авторитарные Бразилия, Австралия, Индия.

На с. 128 опять фактическая ошибка – Петр I разделил страну на 8 или 11 губерний (в разные периоды правления), но не на 10. На следующей странице при характеристике 1920-х гг. использовано название КПСС, хотя такое название компартия получила только в 1950-е годы.

В тексте постоянно даются странные и непрофессиональные трактовки российской истории. В частности, на с. 128–129 сказано: «В последние десятилетия имперской России за серией революционных волнений, прокатившихся после поражения в войне с Японией 1904–1905 гг., последовал короткий и неудачный “флирт” с конституционным монархизмом и парламентской демократией (думский эксперимент). Это была попытка дать возможность более широкому кругу населения принять участие в выборах депутатов из своих регионов во всероссийский парламент с законодательными функциями. Однако все четыре Думы, созданные в период между 1906 и 1917 годами, подпадали под все больший контроль со стороны правительства и постепенно теряли свою власть». Это звучит очень оригинально, ибо именно по требованию Думы и в присутствии ее представителей Николай II отрекся от власти, а временное правительство, взявшее на себя бремя государственной власти, было сформировано именно Думой. Хорош контроль!

На с. 130 помещено следующее противоречащее исторической действительности заявление: «Почти все крупные города Урала и Сибири изначально были городами ВПК – статус, продиктовавший их удаленное местоположение. Эта удаленность, в свою очередь, способствовала, вероятно, и их “несвязанности”». Все обстояло с точностью «до наоборот». Города, за исключением Комсомольска на Амуре и Биробиджана, создавались для выполнения административно-экономических функций, обусловленных историческим развитием государства, а уж затем в них в разной степени появились предприятия ВПК.

Обосновав, как кажется Ф. Хиллу и К. Гэдди, утверждение ошибочности присоединения, освоения и индустриализации Сибири, они перешли к выдаче рекомендаций по «спасению ситуации». В рассуждениях о том, куда бы выслать население и промышленность из Сибири, авторы однозначно рекомендуют теплые районы страны. Однако их анализ свидетельствует о том, что эти районы являются естественной житницей России, регионами с избыточными трудовыми ресурсами, сложной социально-экономической ситуацией, но не являющимися экономическими лидерами с высоким уровнем жизни (с. 143). Северный Кавказ – это дотационная территория, даже при имеющемся населении.

Но тут же предостерегают, указывая: «Идея, что российские проблемы могут быть разрешены простым перемещением населения из наиболее отдаленных северных и дальневосточных поселений в другие места обширного Зауралья, – постулат российской государственной политики» (с. 145). Я могу допустить сверхвысокую информированность авторов о приоритетах и установках российского руководства, но сам о такой однозначности не слышал и

сильно сомневаюсь в ее верности. В этом же абзаце сообщается, что «согласно определению, данному Северу Всемирным банком, которого придерживаемся в этой книге и мы, в 1989 г. на Севере проживало 6,7 процента российского населения. Хотя этот процент мал для территории такого размера, он в то же время чрезвычайно велик по сравнению с 1 процентом населения, проживающего в аналогичных регионах в западных странах, имеющих значительные северные территории». Ну так у нас и процент этих территорий к общей площади страны велик, как нигде. О чем пытаются сказать авторы книги? О том, что Россия северная страна, с избыточным населением, живущим на ее северных территориях, вывоз которого является обязательным для правительства страны? Но лейтмотив понятен – это важнейшая проблема, с которой следует что-то делать. Нелишне напомнить, что значительную долю северян составляют представители коренных народов, прекрасно себя там чувствующих и явно не рвущихся к возделыванию виноградников и пастьбе овец на горных кавказских пастбищах.

Следует признать, что в результате либеральных экспериментов 1990-х гг. в северных городах скопилось большое число пенсионеров, мечтающих покинуть эти районы, и за помощью в решении этой проблемы правительство страны тогда обращалось к зарубежным финансовым структурам. Но ведь это как раз результат разрушения действовавшей модели. Ведь в советские времена работники северных районов приобретали себе комфортное жилье в теплых районах СССР, а не оказывались брошенными на «Северах». Это не ошибки советских руководителей, а вина постсоветских. Да, Север для России – это не рыночный проект, но не убыточный, а прибыльный. Если рассматривать его в период кризиса, то и сравнивать ситуацию следует не с теперешней процветающей Америкой, а с ней во времена Великой депрессии. Тогда эти временные проблемы объяснимы и не кажутся свидетельством краха многовековой политики российского государства.

После написанных ужасных сцен и убийственных характеристик, данных авторами, следовало бы ожидать, что местное население должно покидать эти районы при любом подходящем случае и на любых условиях. Но как удивляются авторы на с. 151: «Однако, как и в случае с Северным Кавказом, можно проследить отдельные эпизоды миграции, которые позволяют предположить, что в 1990-х годах с Севера в южную часть России переехало не слишком много людей».

Ф. Хилл и К. Гэдди пытаются разобраться в ситуации по городам и констатируют, что Норильск, «находившийся в списке на сотой позиции в 1995 г., потерял около 3000 человек... Между тем другие города, дающие понижение коэффициента ТДН в России – Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и другие, перечисленные в таблице 3-3, – не уменьшились в размерах относительно общей численности городского населения России. Большинство аналитиков полагают, что российские мигранты в 1990-х годах следовали тем же тенденциям, что и в других частях света, – переезжали из *морозного пояса* (в данном случае, пояса вечной мерзлоты) в *солнечный пояс*. На самом деле данные по ТДН указывают на несколько иное направление. Большинство

российских мигрантов 1990-х гг. не доезжали до солнечного пояса. Вместо этого они переезжали из пояса вечной мерзлоты в *холодный пояс* – иначе говоря, из экстремально холодных мест в менее холодные места. Они переезжали в основном из отдаленных поселков и малых городов на Севере или на Дальнем Востоке в более крупные поселения, зачастую в том же самом регионе. Они также переезжали в города на Урале и в Западной Сибири...» (с. 152).

Население Севера и Сибири ведет себя иррационально и не оправдывает надежд авторов на быструю стерилизацию Сибири от россиян. Они с сожалением констатируют, что «при современных темпах потребуется более ста лет на возврат российской ТДН на тот же уровень, на котором она была в 1926 г. – до начала советского вынужденного исхода из европейской части России на Урал и за его пределы» (с. 154).

Постоянное повторение «мантр» типа: «Россияне продолжают желать мобильности, и миграция людей из регионов восточнее Урала как раз подтверждает предположение, что *их там изначально не должно было быть*» (с. 161. Курсив мой. – Ю. З.), не меняет существующего положения дел. В мире вообще мало мест, где нет людей, а в Сибири они проживали многие тысячелетия, в том числе и тогда, когда еще ничего о рыночной экономике и демократии не слыхивали. Более того, еще и Америка была не заселена, а на берегах Байкала уже жили люди.

Ф. Хилл и К. Гэдди негодуют по поводу того, что «видимо, оно (правительство. – Ю. З.) не желает свободного передвижения людей в Москву или куда-нибудь еще в России» (с. 161). Как авторы выяснили о желаниях российского правительства, неизвестно, да и правительство после 1991 г. в России было немало. Неясно и другое: почему правительство должно желать, чтобы вся страна жила в Москве? Тем более что население столицы и так растет непрерывно и высокими темпами. Неприменимость рецептов авторов проявляется в их признании о том, что «в России, если бы людям было разрешено по-настоящему свободно перемещаться, рост Москвы, скорее всего, продолжился бы, в то время как в некоторых городах и регионах спад численности населения оказался бы весьма значительным» (с. 176). Все, что представляется правильным и логичным в США, никак не работает в России, и, как минимум, наивно подозревать в этом исключительно правительство и обвинять проводимую им политику.

На с. 170 авторы сочувствуют и подробно описывают условия жизни эмигрантов, приехавших из бывших республик СССР и обосновавшихся в Подмоскowie. По-человечески их понять можно, но если их в эти районы не звали, почему им там должны создавать условия, игнорируя при этом проблемы уже проживающего там коренного населения? Выход из состава СССР произошел на добровольной основе. И это нормально, когда правительство исходит из целесообразности и интересов своих граждан. Самостоятельно, без приглашения приезжающие эмигранты не входят в круг приоритетов ни одного государства мира, и Россия тут не исключение.

Авторы постоянно ссылаются на работы разных авторов, но не цитируют их, что дает им возможность вольной интерпретации используемых тек-

стов. Вместе с тем это позволяет понимать эти заимствования как мысли, полностью разделяемые авторами. В том числе и такое: «Парадокс российской физической географии заключается в том, что ее гигантское территориальное пространство располагает к мобильности населения, в то время как российское правительство никак не желает его мобильности или желает, чтобы эта мобильность имела своей целью какой-то конкретный участок территории. Поэтому правительству приходится ограничивать мобильность» (с. 163). Как современное российское правительство, а тем более правительства 1990-х гг., ограничивали эту мобильность, не указывается. Вместе с тем любое ответственное правительство проводит политику, содействующую рациональному размещению и передвижению населения, как своего, так и эмигрантов.

Авторы прибегают к парадоксальным высказываниям, например: «Проблема не в том, что Сибирь заселена, и не в том, что численность ее жителей возросла, а в том, что сейчас она перенаселена» (с. 225). При этом Ф. Хилл и К. Гэдди перечисляют ряд объективных и субъективных причин, по которым жители северных территорий не хотят их покидать (с. 166–167), сравнивая это с ситуацией проведения антигуманной политики «ликвидации неперспективных деревень», но предлагают то же самое – т. е. насильственный вывоз населения на основании экономической целесообразности. Вот уж воистину: отвергай то, что собираешься исполнить.

По вопросу выселения жителей Сибири авторы делят россиян на две группы. «В то время как перед большей частью населения Сибири открываются безрадостные перспективы, для российских бизнесменов и политиков она продолжает оставаться передовым рубежом благоприятных возможностей для их деловой активности» (с. 196). Вот и истинные виновники – бизнесмены и политики.

Авторы непрерывно выписывают рецепты и предостережения, например: «Главным шагом на пути к формированию мобильности ресурсов является пересмотр концепции миграции и иммиграции. В кампаниях по освоению Сибири больше нет необходимости, потому российскому правительству не следует стремиться вновь заселить Сибирь. Сибирь очень нужна России, но россиян не надо заставлять или убеждать жить в Сибири. В политике российского правительства не стоит делать ставку на удержание людей за Уралом. Вместо этого важно не препятствовать тем, кто может или желал бы уехать. Процессом будут управлять рыночные силы, поэтому государству не следует ни препятствовать этому, ни пытаться направлять людей в особые, заранее подобранные пункты назначения» (с. 226). Правительство должно уйти из Сибири, самоустраниться и отдать этот регион на разграбление жадным и малоэффективным отечественным и западным предпринимателям. Такой вот добрый совет в виде «тройского коня».

В разделе «Первостепенность утверждения общенациональных интересов» без обиняков утверждается: «Российскому руководству надо быть искренними в вопросах будущего России и Сибири. Уменьшение параметров населенности Сибири отвечает национальным интересам России... Центру не

следует выступать в качестве пристрастного сторонника реструктуризации Сибири. Важнее недвусмысленно показать, что будущее страны, а значит, и Сибири, зависит от сильной, единой и прочной России, чего невозможно достичь, если правительство будет постоянно закачивать ресурсы – в том числе и людские – из наиболее производительных районов в Сибирь» (с. 227). Приятно иметь дело с людьми, знающими лучше нас наши национальные интересы. Но сдается, что это отвечает национальным интересам другой страны.

Далее по тексту выясняется, что это еще не все указания. Ибо предписывается: «Эти программы должны помочь людям уехать из Сибири в европейскую часть России, а не просто переехать из наиболее захолустных поселений в более крупные города того же региона. К тому же они должны быть ориентированы на содействие переезду молодых и наиболее деятельных людей...» (с. 228). «В этом ключе российскому правительству стоит отказаться еще и от некоторых наиболее сомнительных методик выселения с обжитых мест и вывоза из Сибири и с Севера жителей преклонного возраста, потому что их содержание в Европейской России обойдется государству намного дороже. *Приоритет должен быть отдан переселению сибирской молодежи*» (с. 239. Курсив мой. – Ю. З.).

Ф. Хилл и К. Гэдди понимают последствия такой политики и констатируют, что умирающие селения, где живут пенсионеры, – обычное явление в постиндустриальных и сельских местностях повсюду в Европе. В России со временем это может стать характерной чертой многих административных центров и городов Сибири (с. 239). То есть следует превратить Сибирь в дом престарелых, оставив их умирать в разрушающихся городах, брошенной молодежи, бизнесом и государством. А Сибирь – это не Европа, где расстояния меряются сотнями километров, здесь помощи можно и не дожидаться. Такие вот добрые и гуманные у нас нашлись советчики.

Итак, «зачищать Сибирь нужно, но добровольно сибиряки не уедут, тупик. Нет проблем, ибо у авторов и на этот случай есть отличный совет. Восьмая глава в своем названии ставит вопрос в виде программы действий – «Можно ли “сжаться”, сохранив территорию?» И в первом же абзаце конкретизирует задачу-условие, выставляемое «миссионерами дикарям», счастья своего не понимающим. «Если уж Россия стремится стать управляемой и экономически жизнеспособной, ей надо “сжать” себя в ранее предложенном нами смысле – *не путем отказа от земель, а путем пространственной реорганизации своей экономики*» (с. 162). Дозволяемое авторами сохранение у нас наших земель – это ничего не значащий фиговый листок. Ибо брошенные земли тут же становятся ничьими и обретают новых хозяев. В данном случае уместно вспомнить высказывание Сталина о том, что города без жителей никто не защищает.

В этом же абзаце они предупреждают, как бы отменяя последующие претензии обманутых: «Изменение российской экономической географии будет дорогостоящим и болезненным процессом, хотя он, в конце концов, и выведет Россию на правильный путь развития» (с. 162). Неплохо бы еще объ-

яснить, что понимают авторы под «правильным путем развития». И для кого он правильный?

Неудобные реалии жизни постоянно мешают авторам столь великолепных концепций, среди них факт миграции в Сибирь. Поэтому хорошо информированные авторы в поисках аргументов в пользу обезлюживания и деиндустриализации Сибири не могли не затронуть проблему эмиграции в регион из сопредельных стран. Большинство российских аналитиков преувеличивают ее роль, размеры и последствия, но авторы и здесь верны себе. Они пишут: «Однако маловероятно, что среднеазиатские рабочие доберутся и до российского Дальнего Востока в поисках работы. Скорее всего, эмиграция останется западносибирским феноменом» (с. 205). А Между тем среднеазиатские и кавказские гастарбайтеры давно и прочно закрепились в Восточной Сибири и просачиваются на Дальний Восток. Это объективный процесс, и поток их в ближайшей перспективе не только не ослабеет, но и приобретет рациональные и стабильные формы и масштабы. В регион все меньше приезжает случайных «диких» представителей этого движения. Это все больше квалифицированные строители и водители, организованные в коллективы, имеющие связи с работодателями и местной властью, со своими «осевшими» соплеменниками, образовавшими здесь культурно-национальные автономии. Это движение имеет другую форму и вид, нежели в США. Большинство из приезжих не стремятся осесть здесь навсегда и усложнить условия жизни уже проживающим. Они приезжают на сезонные работы, т. е. трудятся вахтовым способом, который выгоден всем участникам процесса. По такой же модели регулируется и въезд китайских рабочих в Сибирь. Это свидетельство эффективного приспособления рынка труда к реалиям сибирских условий, а не признак деградации и разрушения.

Следовательно, процессы приезда в Сибирь значительной рабочей силы, не заинтересованной в своем поселении здесь, но обеспечивающей нормальное функционирование экономики региона, – весомый аргумент для развития этой части страны. Признавая этот факт, Ф. Хилл и К. Гэдди, тем не менее, пишут: «...Надо сосредоточить внимание на попытках создания новых выгодных отраслей промышленности, которые могли бы задействовать уже имеющуюся в наличии российскую рабочую силу за приличную зарплату, без принуждения – и, *скорее всего, не в Сибири*. К несчастью, Россия обманывает себя, стараясь сохранить ценность унаследованных от ГУЛАГа и СССР материальных активов» (с. 207). Итак – объективный научный анализ и субъективный политически ангажированный вывод из него.

Среди прочего авторы изыскивают первопричины существующей социально-политической реальности и находят ее, утверждая, что «...самой серьезной из всех помех на пути изменения российской экономической географии является то, что Сибирь продолжает рассматриваться в качестве основы развития России в будущем. Сохранение и расширение материальных сибирских активов – городов, заводов и рудников, унаследованных от ГУЛАГа, считаются политическим императивом и в сегодняшней России. Выдвигаются программы по “второй индустриализации” Сибири, и делается ставка на привле-

чение мигрантов и иммигрантов для того, чтобы приостановить уменьшение численности населения и рабочей силы» (с. 193).

Затем Ф. Хилл и К. Гэдди отыскивают оригинальный ход – ставят под сомнение ценность Сибири как источника природных ресурсов. Они пишут: «Теперь несколько слов еще об одной нестареющей идее – о Сибири как сокровищнице России. Российская пресса еще полнится статьями, превозносящими значение стимулирования эволюции российской экономики за счет использования ресурсов Сибири и Севера – нефти, газа, угля, драгоценных металлов, меди, гидроэлектрического потенциала и так далее. Сопrotивление развенчанию особой значимости Сибири и Севера происходит из-за значения, которое имеют разработка природных ресурсов и обнаружение новых нефтяных и газовых месторождений» (с. 195). Вот так, правильно развенчать эту вредную идею, но неправильные россияне сопротивляются ее развенчанию.

Сейчас множество стран с вожделием взирают на Арктику, там еще ничего не обнаружено, но политические и научные процессы начались, в том числе и в США. Хотя там принципиально холоднее, да и земли там нет. Очевидно, лидеры этих стран не знают об открытиях авторов, о том, что если холодно, то это убыточно. Ну просто удивительно недалёковидные эти государственные лидеры.

Оказывается, Сибирь не только не представляет интереса для современной России как кладовая полезных ископаемых, но и мысли о ней в стране неправильные. Ф. Хилл и К. Гэдди требуют: «Пора прекратить создавать мифы о Сибири. Россиянам стоит начать думать о бескрайних зауральских пространствах как о *российском пространстве*, а не как о *России*. В мыслях о России и ее экономической географии ключевая позиция сердца Родины должна быть возвращена историческому центру вокруг Москвы. Зауралье – это периферия, окраинная территория, подобная Северо-Западным территориям Канады или Аляске в США. Сибирь следует начать вновь рассматривать как отдаленный “ресурсный рубеж”» (с. 224). Вот она, оговорка по Фрейду: если Сибирь не Россия, то можно и отдать, не свои ведь земли, не плохо бы начать с островов, включая Сахалин.

«Если российское самосознание продолжит ассоциировать себя со своей бескрайней территорией и Сибирью и искать там свои корни, России будет трудно двигаться вперед. Ключевым моментом является преобразование психологическое – преобразование России фантазии в Россию реальности, снос “потемкинской” России и преобразование России в нечто реальное» (с. 224). Давно не встречал я чудачков, ищущих в Сибири российские корни, но авторам они, очевидно, встречались. Хотя не следует и забывать, что еще новгородские купцы во времена создания Древнерусского государства осваивали северные территории, и что русские начали присоединять Сибирь одновременно с формированием Московского царства первым русским царем. Русским предлагают стать «Иванами, родства не помнящими». Зачем помнить о 1200-летней истории, лучше начать с 1991 г. – времени унижения, позора и страданий. И с этого трамплина начать новую жизнь – заманчивая перспектива, не правда ли?

Постоянно умалчивается, что Сибирь является огромным рынком для отечественной промышленности и сельского хозяйства, расположенных в европейской части страны. Уничтожение этого рынка навряд ли укрепит экономику страны, а лишь увеличит армию безработных, особенно если к ним еще подвезти народа из Сибири. В лучшем случае они прямым ходом уедут за пределы страны, а в худшем приведут к обострению социальной напряженности.

На с. 236 авторы правильно предлагают просчитать, сколько стоит Сибирь стране. При этом они без подсчетов определили, что слишком много. Мне представляется, что объективный анализ, напротив, снял бы с повестки дня перспективы аналогичных политических спекуляций об убыточности Сибири. Думаю, что он позволил бы говорить о вопиющем несоответствии ВВП, производимого в Сибири, и благ, потребляемых ее жителями. Проводя страновые аналогии, можно рассмотреть ситуацию в ФРГ, где каждый работающий гражданин западных земель реально платит на помощь восточным землям. И что-то там не слышно об отказе от этих территорий или об тотальном переселении восточных немцев в западные районы страны. Прекрасная иллюстрация двойных стандартов «объективных» исследователей.

В последнем абзаце работы Ф. Хилл и К. Гэдди объединили воедино три, мягко говоря, спорных вывода-заявления: «В настоящее время освоение ресурсов Сибири обходится слишком дорого. Предприятия вне топливно-энергетического сектора не способны получать прибыль, достаточную для того, чтобы платить высокие зарплаты, привлекающие новых работников или удерживающие наличную рабочую силу. Вместо этого людей удерживают с помощью административных, нерыночных механизмов, не предоставляя им возможность уехать. Сибирь, по существу, “держится” за счет сохранения системы ГУЛАГа в ее смягченной форме, которая сначала заставляла людей отправляться на работу в Сибирь, а затем насильно их там удерживала» (с. 240).

Не скупятся Ф. Хилл и К. Гэдди на различные рецепты и советы. Так как книга написана относительно давно, авторы сетуют на недостаточное развитие IT-технологий. Сегодня Интернет и сотовая связь, а скоро и цифровое телевидение практически ликвидируют информационную отсталость сибиряков. Это, особенно для молодежи, важный фактор качества жизни, и нет сомнения, что он в еще большей степени ослабит миграционные настроения. К сожалению, новым фактором, неизвестным авторам, стал феномен ЕГЭ, который усилил мобильность выпускников сибирских школ в сторону столиц. Но едут они не на теплый юг, а в экологические неблагополучные мегаполисы, где по окончании вузов пополняют многочисленную армию «оффисного планктона». Насколько это будет способствовать выходу нашей страны на передовые позиции в мире, можно будет определить через 10–20 лет.

Авторы считают, что «Канада может стать подходящей моделью для России по части экономических взаимоотношений с Сибирью» (с. 232). С этим трудно согласиться по ряду обстоятельств, и, прежде всего, из-за реальности аннексии этой части страны, что не угрожает Канаде. Историческое демографическое и экономическое наследие Сибири невозможно игнори-

ровать. Легко не создавать что-то, но очень сложно игнорировать не только созданное, но и необходимое.

На заключительных страницах основной части книги авторы признают обоснованность опасений России по поводу ее территориальной целостности на Востоке. Но тут же предлагают «блестящее» решение этой проблемы: «Некоторые исследователи полагают, что частью этого подхода могло бы стать присвоение Сибири статуса всемирного наследия и особо охраняемой Организацией Объединенных Наций (или другой организацией) (например, НАТО. – Ю. З.) территории. Подобный статус, конечно, предусматривал бы поднадзорность этой уникальной экономической зоны и всех ее ресурсов исключительно Российской Федерации» (с. 237). Лишиться право собственности, а получить право надзирать – вдохновляющая перспектива.

Далее они предупреждают: «Энергетический бум на Сахалине, конечно, не должен привести к активизации попыток российского правительства по заселению Дальнего Востока или даже по остановке миграции с острова, главным образом из-за того, что энергетические отрасли промышленности отдадут большее предпочтение привлечению высококвалифицированных работников на основе вахтового метода. Потребуется несколько лет, чтобы стало возможным нанимать большое количество местных работников на подсобное обслуживание нефтяной и газовой отраслей промышленности» (с. 235). То есть ждать несколько лет невыносимо, следует немедленно выселить.

В Заключении Ф. Хилл и К. Гэдди дают совет, под которым подпишется любой федеральный чиновник: «Под этими действиями подразумевается все-российская политика, направленная на ослабление контроля, который региональные лидеры и олигархи имеют при принятии политических и экономических решений по Сибири и Северу» (с. 238). То есть лишит население региона и его лидеров права голоса при принятии решений, определяющих их жизнь. И этот совет дают представители демократической страны.

И тут же выдают индульгенцию на дискриминацию населения Сибири. Они пишут: «В то время как другие правительства могут отдавать предпочтение или иметь в этом плане политические обязательства по оказанию поддержки издревле заселенным, но отсталым регионам своих стран (как Северная Италия массированно субсидирует Южную Италию), Россия вовсе не обязана этого делать. Сибирь – не тот регион, который был обжит столетия тому назад: до революции его коренные жители были малочисленны, и он был заселен и освоен в XX столетии» (с. 240). Итак, у России нет никаких обязательств перед сибиряками, которые уже четыре столетия живут в регионе. Тоже наглядный пример редкого гуманизма в рассуждениях.

Многозначительной является характеристика авторами своей книги как программы способов, «...которые российское правительство могло бы взять на вооружение в своей деятельности по устранению некоторых диспропорций, проведя при этом переоценку взаимосвязей экономики России с ее территорией и, в частности, с Сибирью» (с. 16). Результатом этой переоценки, по мнению авторов, является уход России из Сибири, потому что здесь холодно. Исходя из того, что на территории планеты не так уж много комфортных

мест, этот рецепт следовало бы выписывать большинству стран мира. Но предложение адресовано только России. Сейчас ряд совершенно южных стран высказывают притязания на территорию Антарктиды, кстати, тоже открытой российскими подданными, но здесь переоценка идет в другую сторону.

В разделе «Конец идеологии пространства» (с. 211) Ф. Хилл и К. Гэдди четко формулируют свою задачу: «Сибирь, как мы попытались доказать в своих рассуждениях о недостатках размера территории и стоимости холода, перенаселена для своей экономики. Ее жители почти целиком и полностью расселены не там, где надо. К тому же Сибирь освоена скорее неправильно, чем недостаточно. Население Сибири надо уменьшить, а не заполнять ее снова людьми. Основной проблемой остается прошлое и существующее мнение россиян об отношении своего государства к его территории». По моему мнению, в качестве эпиграфа следовало выставить именно этот абзац, а не туманные по смыслу стихи. Все плохо и все не так.

Многочисленные и голословные высказывания Ф. Хилла и К. Гэдди об их искренней заботе о благополучии России представляются мне иезуитскими. Цели и намерения у них совсем не добрые. Сибирский проект – это глобальный проект; пока Россия в силах его реализовать, он будет происходить под ее управлением и для ее пользы. Если Россия будет не в состоянии им заниматься, ее соседи – Китай, Япония, США и Южная Корея – возьмут с великим удовольствием это «тяжкое и невыносимое» бремя на себя. Именно к принятию неизбежности этого сценария авторы «наставления для туземцев» подталкивают российское общественное мнение и пытаются доказать правильность такого исхода.

Скрупулезный подсчет современных сибирских проблем произведен авторами для обоснования центрального умозаключения: «Очевидный и наиболее важный вывод таков: России нельзя двигаться своим теперешним курсом, особенно делая упор на повторное освоение Сибири» (с. 222). Следует заметить, что руководство страны не согласилось с этим выводом, и на днях В. В. Путин поставил на повестку дня задачу реиндустриализации Сибири.

Данную работу я оцениваю как труд русологов, а не политологов, политэкономов или политгеографов. Это мнение есть осознание того, что данная книга писалась не на основании объективного анализа данных и фактов, наоборот, отбор их осуществлялся под определенную политическую концепцию. А так как научность не позволяла достичь поставленного результата, то она была заменена на наукообразность. Безусловно, все поставленные в работе проблемы имеют место быть и актуальны для современной России, но рецепты, даваемые авторами, ведут не решению этих проблем, а к их усугублению. Для неискушенного, особенно молодого читателя, эта книга может оказаться не помощником в решении своих личных и мировоззренческих проблем, но дезинформатором и обманщиком, маскирующим под видом доброжелательности и объективности совсем не чистые помыслы.

Prejudged Outlook on the Industrialization in Siberia. Part 2

Yu. A. Zuliar

Irkutsk State University, Irkutsk

In the article the review of the Hill A. and Gaddy K.'s book "Siberian burden. Miscalculations of soviet planning and Russia's future" is given. The most disputable sections, assertions and presented conclusions are considered.

Key words: USSR, Russia, Siberia, Far East, Russian North, industrialization and system of expansion of Russian Eastern regions, Russian Eastern regions future.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410б, тел. 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru

Zuliar Yuriy Anatolievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1-410b, phone 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru